

Во второй мартеновский цех я пришел в 1938 году, поступил электриком. До этого работал на старых заводах Воткинска и Ижевска. Мартены были там совсем махонькими, техника — примитивной. Этот же цех ошеломлял своим величием, сложной и мощной техникой. Подумать только — 12 пылающих мартеновских печей по 180 тонн каждая, заливочные краны-богатыри, завалочные машины, хозяйничавшие своими хоботами в самом пекле мартенов. Идешь, и от всего этого дух захватывает. Однако и ручного тяжелого труда в то время было предостаточно. Но горячий накал стахановского движения, высокий моральный дух людей обеспечили выплавку стали в предвоенном, сороковом году — 1 миллион 310 тысяч тонн. По тем временам это довольно внушительная цифра.

Над страной сгустились тучи Великой Отечественной. Металл нужен был, как хлеб. Когда огненный смерч войны опустился на нашу землю, для нашего мартеновского коллектива наступили дни суровых испытаний. Всего за военный период сталеплавильщики комбината освоили десятки новых марок стали. Наш второй мартен в те дни решал сложнейшую проблему — получение броневой стали в обычных, большегрузных печах. Для опытных плавков были отведены первая и третья мартеновские печи. Варилась плавка на первой, потом жидкая сталь заливалась в третью печь. Этот способ назывался дуплексным. На комбинате было создано броневое бюро в составе большой группы инженеров. Они выдавали рекомендации, да и сами сутками не уходили из цеха. Я уж не говорю о наших цеховых специалистах. Они буквально с ног валились. Шел опыт за опытом, эксперимент за экспериментом. И вот 23 июля 1941 года сталевар Дмитрий Жуков и мастер Егор Сазонов на третьей печи сваривали броневую сталь. Это было поистине боевым подвигом. Последователями Е. Сазонова и Д. Жукова стали сталевары Т. И. Абраменко, А. С. Поздняков, М. П. Артамонов и другие. Сталевары Г. Е. Бобров и Г. А. Рязанов были новаторами в выплавке легированных сталей. Они не только давали высококачественный металл, но и значительно со-

кращали продолжительность плавки. В 1943 году продолжительность плавки по цеху, по сравнению с довоенной, сократилась на два часа. Война требовала не только первоклассный металл, но и людей. На фронт ушли — душа коллектива, коммунист сталевар Алексей Грязнов, молодые подручные братья Николай и Константин Захаровы, Владимир Улитин Иван Харитонов. Они не вернулись с кровавых полей войны, отдав свои жизни во имя нашей Победы. У нас в электрослужбе работал А. И. Панов. Он воевал в разведке, на самом остром горячем схваток с врагом. Дорогами войны прошагал Анатолий Иванович до самого Берлина. На его груди — орден Красного Знамени, два ордена Славы и ряд

триков. Уж очень я их опекал. Все боялся, чтобы не попали куда. Учил быть собранными, особенно на аварийных ремонтах. Ведь жидкий металл не терпит простоя. На ремонтах кранов допекал я своих подопечных, чтобы после окончания работ внимательно собирали инструмент. Сам по себе инструмент дорог, но были случаи, оставленный он падал вниз, а там ведь люди работают. Похоже, надоел я им своими наставлениями: — Да что мы, сами не знаем, — ворчали они. Перешел как бы на шутку. Сделаем работу, крикну: — А ну, хлопцы, устройте инструменту переключку. Долго они, проказники, меня донимали: — Дядь Миша, ключикам и кусачкам переключку сде-

Дни суровых испытаний

боевых медалей. После войны вернулся в родной цех и успешно трудился электриком до ухода на заслуженный отдых.

Первое молодое пополнение пришло к нам в цех из ремесленного училища в начале войны. Из них хорошими сталеварами стали Г. Кильдюшкин, П. Лапаев, В. Гречишкин, В. Андриевский и другие. Работу машинистов электрокранов освоили И. Сусанин, М. Буньков, В. Прач, В. Пасхак. В электрослужбу влились Л. Федотов, Н. Петров, А. Писарев. Этих ребят поначалу надо было водить буквально за руку. Ведь огонь кругом, техника в постоянном движении, жидкий металл кипит. Безопасность — безопасность, но нуждались подростки еще и в душевном тепле. Работал тогда сталеваром на первой печи Т. И. Затонский. В той суровой обстановке он находил место для тонкого юмора, был всегда внимательным, к молодежи — особенно. Бывало, придут практиканты в цех и тянет их, словно магнитом, к первой печи, где Затонский работает. За мной, тогдашним бригадиром электриков, тоже была закреплена группа практикантов-элек-

лана. — Сами улыбаются. Ребята остаются всегда ребятами. Хотя самому «дяде Мише» в ту пору едва было за двадцать пять. Не громко будь сказано — кадровые рабочие и новички, проявляя трудовой героизм, выполняли призыв партии: «Все для фронта, все для Победы!».

Многие трудящиеся из нашего второго мартеновского за высочайший вклад в дело Победы и послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства страны награждены государственными наградами. Цех удостоил Героев Социалистического Труда М. П. Артамонова, П. Е. Протасова, И. А. Дмитриева, А. Ф. Мельникова. Во время войны коллективу цеха за самоотверженный труд восемь раз вручалось Красное знамя Государственного Комитета Обороны. А 8 июня 1946 года это знамя — символ трудового героизма и самоотверженности — было вручено коллективу второго мартеновского цеха на вечное хранение.

М. ВОЛЬХИН,
ветеран труда комбината.

I. РАТНАЯ СЛАВА

ФОТОРЕПОРТАЖ

Волгоград. Какое-то непередаваемое волнение охватило нас, когда за окнами вагонов появились его первые строения. И неудивительно. Во-первых, потому что город на Волге с самого детства был для нас святыней. И еще — потому, что сюда мы приехали не экскурсантами, а представителями комсомолин трудовой Магнитки.

В молодежном центре мы познакомились с ребятами из Москвы, Таджикистана и Грузии. Все они, так же как и мы, трудятся в комсомольско-молодежных коллективах. И побывать в городе-герое Волгограде заслужили своим ударным трудом на вахте, посвященной 40-летию Великой Победы.

Всего неделю были мы в легендарном городе на Волге. Но и за этот короткий срок нам удалось увидеть многое. Мы видели знаменитый дом Павлова, руины мельницы, побывали в местах, где проходила линия обороны.



ВАЛЧИЧ — значит бороться

...Наш разговор прервал переливчатый звонок в прихожей. Извинившись, хозяин квартиры вышел открыть дверь. А я рассматриваю обстановку комнаты. На столе — стопки писем, открыток — у Александра Васильевича обширная переписка. Над рабочим столом — фотографии. Теперь я уже знаю многих из этих людей — дети, внуки, товарищи по работе, однополчане. Возле окна диван. «Что-то сдавать немного начал», — говорил мне Александр Васильевич, — вот и подушкой обзавелся». На последней медицинской комиссии ему прямо сказали, что за штурвал может больше не встать — напрасно. А может и впрямь пора было оставить небо? Ровно год и месяц чистого времени провел он под облаками, два с половиной миллиона километров отмахал над нашей страной, всю матушку-Россию изучил вдоль и поперек, девять лет в Заполярье, потом искал нефть в тюменских кладовых. Сейчас у него самые что ни на есть земные заботы: внуки подрастают, сад поднимается, пчел завел. Но все это в часы отдыха. А чаще все-таки работа, поездки по стране в качестве лектора общества «Знание». Ему есть о чем рассказать людям.

А из прихожей раздается звонкий детский голосок: — Я из 55-й школы. Скажите, здесь есть участники войны?

— Я участник. Кузнецов Александр Васильевич, — слышу ответ хозяина.

— Какие награды имеет? — не унимается юный собеседник ветерана.

— Орден Красного Знамени, золотой крест «Возрождение Польши», крест Грюнвальда, польский орден партизана, медаль «За отвагу».

ДОМОЙ! Кузнецов не просто торопился, он летел, мысли его обгоняли движение поезда. До Уфы были еще сотни километров, а он уже видел родной двор, лицо матери. И Вика. Вот она протягивает к нему свои маленькие ручонки. Нет, он еще не видел ее, дочка родилась, когда Кузнецов был уже на фронте. Подумал: хорошо, что назвали дочку Викой. Виктория — значит победа. В самом начале войны родилась его Виктория, его Победа. Хорошо. Он спешил домой, к себе домой, где мало кто верил в его возвращение. Сколько слез было пролито там над похоронкой о его, Кузнецова, смерти.

По улицам города ноги несли его сами. И вдруг Кузнецова словно обожгло: мать! На углу возле магазина сидела горбленная старуха, лицо ее закрывали седые пряди, перед ней стояла банка, на дне которой лежала пара монет. И злость налетела на всегда спокойного Кузнецова. Злость на эту ржавую консервную банку, на трудную жизнь, на себя самого за то, что в карманах у него сейчас поскрипывала пачка новых денег, выданных несколько дней назад в Москве. Он с силой отшвырнул банку в сторону: «Мам!» Испуг, радость, изумление мелькнули в глазах матери... Он запомнил их разными. Печальными, когда совсем маленькой проводила она его «покорять богатства Магнитки». В них сияла безмерная гордость, когда он, буровой мастер горы Магнитной, возвращался домой с первым своим заработком. В день проводов его на службу перед самой войной в них была тревога, словно предчувствовало материнское сердце, через какие трудности и лишения предстоит пройти ее сыну.

— Люди, и особенно молодежь, обязательно должны знать обо всем, что довелось пережить нашему, военному поколению, — считает лектор общества «Знание» А. В. Кузнецов, — и тогда мир, царящий сегодня, станет для них еще дорожее, еще веселее.

Мир и война. Для людей его поколения это не отвлеченные понятия. До войны у Кузнецова, кроме Магнитки, было еще и летное училище, которое он окончил блестяще в 38-м году. Потом служба. В четыре утра 22 июня сорок первого — боевая тревога, в шесть — первый сбитый самолет врага над Минском. Так переступил через эту грань между миром и войной летчик-истребитель, вчерашний гидрогеолог А. Кузнецов. 9 июля 1941-го газета Западного фронта «Красноармейская правда» писала: «Сигнал тревоги возвестил о том, что 15 фашистских бомбардировщиков проникли в глубь расположения наших войск. В числе других в воздух стремительно взмыла машина младшего лейтенанта Кузнецова... Кузнецов погнался за одним из вражеских самолетов. Расстояние между машинами все сокращается. Кузнецов уже явственно мог разглядеть ненавистную фашистскую свастику. Он делает резкий разворот, заходит сбоку, берет врага на прицел. Несколько нажимов на гашетку, и фашистский «Юнкерс» воспламеняется. Бесформенная горящая глыба спиралью идет на землю». Эту пожелтевшую вырезку из старой газеты однополчане подарили Александру Васильевичу через много лет после войны; во время одной из встреч. В военном небе Москвы Кузнецов получил серьезную травму ноги. И долгое время врачи бились, чтобы вернуть летчика в небо. В феврале следующего года Кузнецов вновь был допущен к полетам. Военная судьба немаломо приближала его к 27 февраля, тому роковому дню, который круто изменил всю его дальнейшую жизнь.

...Он был выбит из боя. Еще стоял в ушах грохот взорвавшегося самолета, его самолета. Какие-то люди сн...